

С тех пор как подробности того разговора разлетелись по всему городу Фэнду, Люцзин, стоило ему показаться на улице, тут же оказывался в центре внимания. Обыватели из числа тех, с кем он водил хоть какое-то знакомство, без обиняков подходили и выпытывали: за кем это он решил приударить и не требуется ли подсобить? Люцзин, конечно, благодарил за заботу, но в душе лишь беззвучно качал головой.

"Ну и поганцы неблагодарные! — сердился он про себя. — Ни стыда у них, ни совести!"

Яньгу сдержал вчерашнее обещание. Прямо у входа во Дворец Яньло обустроили временный приёмный покой, чтобы разрешить споры обитателей Подземного царства касательно работы. Делом заправлял Люцзин, а двое призрачных писцов заносили всё в свитки. Речь шла преимущественно о благоустройстве Фэнду — своего рода уговоре между властями и простым людом. Официальных чинов никому не жаловали, но каждую мелочь требовалось зафиксировать с предельной точностью.

Помимо тех, чей вопрос Люцзин уладил ещё вчера в мозговой лавке, сегодня со своими прошениями явилось несколько сотен душ. Прожив в Фэнду почти год, он успел хорошо изучить городские порядки и теперь разом взялся за искоренение застарелых бед. Яньгу поддержал затею лишь потому, что у него самого вечно не доходили руки до подобной мелкоты, оттого дела и пребывали в запустении. К тому же повелитель подземного царства чуял возможность извлечь из этого немалую выгоду.

В Фэнду, помимо главного, ютились ещё пять мелких призрачных рынков. Тот, что раскинулся у подножия Дворца Яньло, оставался самым людным и процветающим — здесь обитала большая часть горожан. Остальные базары из-за разрозненности жителей едва сводили концы с концами. Бездомные бродячие души, коих в Подземном царстве хватало, предложили объединить эти окраинные рынки, стянув их к центру, и соединить с главным базаром у дворцовых врат в единую торговую цепь.

Люцзин заранее обдумал этот шаг и даже вытребовал у Яньгу официальный указ о переустройстве. Призраки, решившие остаться в Фэнду вместо того, чтобы отправиться на перерождение, в массе своей перебивались с хлеба на квас. Наземные жители называли бы их нищими, коим без помощи казны Подземного царства не выжить.

Развив собравшихся на артели, Люцзин обратился к ним с разъяснениями:

— Моя задумка такова. Указ повелителя уже подписан, но на обустройство и расширение рынков потребуется время. Вы для Подземного царства — люди пришлые, однако притеснять вас или обделять никто не станет. Отношение ко всем будет равное. Главный базар у Дворца Яньло давно занят старожилками, места для вас там нет. Если хотите обрести крышу над головой, придётся довольствоваться малым и оседать на окраинных рынках.

Призрачные писцы трудились не покладая рук: один заносил в свиток имена просителей, другой вкратце записывал указания судьи. Около четырёх сотен призраков разделились на пять или шесть крупных артелей.

Один из выборных старшин, назначенный Люцзином присматривать за работами, почтительно поклонился:

— У нас нет возражений, господин судья. Повелитель и вы столь милосердны, что даровали нам приют. Мы не знаем, как и благодарить вас.

Люцзин посерьёзnel — в таких делах нельзя допускать излишней мягкости:

— Вы обитаете в Подземном царстве уже порядочно, а некоторые даже успели обзавестись здесь семьями и детьми. Коли хотите устроить своё будущее — трудитесь на совесть.

Старшины в один голос отозвались:

— Само собой, господин судья.

— Хорошо, — кивнул Люцзин. — Лес для строительства будете валить на Древнем пути густых лесов, что перед самыми Вратами Духов. Деревьев там в избытке, на дома хватит. Но помните: берите лишь то, что необходимо, молодую поросль не трогайте. Мы губим древнюю чащу ради собственной нужды, так имейте совесть — дайте лесу оправиться.

— Мы всё поняли.

Собравшиеся переглядывались с невольным уважением. Этот судья и впрямь отличался от прежних — дела вёл уверенно, без суеты.

— Пока идёт переустройство, — продолжал Люцзин, — сколотите временные навесы для переселенцев с других рынков. Работать будете засветло. По ночам — никакой шумихи, криков и уж тем более костей да карт. Моё сочувствие не означает, что я стану закрывать глаза на бесчинства.

Сам он уже прикидывал, что, как только раздаст указания, нужно будет обсудить с Яньгу обнародование указа.

— Повинуемся вашей воле, господин судья, — старшины склонились в глубоком поклоне.

— Коли общий порядок ясен, разобьёмся по делу. Среди вас наверняка есть плотники и каменщики? Если возникнут трудности — ищите меня во Дворце Яньло.

Как только Люцзин распределил главные обязанности, дело пошло куда быстрее. Стоило ему спросить, как из толпы вышли несколько дюжих призраков:

— При жизни мы промышляли строительством и ремеслом. В дереве и камне толк знаем, не подведём.

Люцзин окинул их оценивающим взглядом и кивнул:

— Вот и славно. Вы двое возглавите работы, а в помощь я выделю вам парочку писцов из канцелярии. За порядком присматривайте сами, на вашу совесть полагаюсь.

Писцы тем временем закончили мараť бумагу. Люцзин повернулся к ним:

— Всё записали?

— Всё до единого слова, господин судья, — поклонились те в ответ.

— Ступайте, отнесите повелителю на подпись. Если возражений не возникнет, начнём прямо сегодня.

С этими словами Люцзин направился в Палату Яньло. Писцы семенили следом. Собравшиеся у ворот призраки, видя, что приём окончен, тоже начали расходиться. Они шли небольшими группами, оживлённо переговариваясь, и на бледных лицах впервые за долгое время светилась робкая надежда.

Яньгу восседал на возвышении. Величественная осанка и холодный, пронизательный взор выдавали в нём истинного владыку Подземного царства. Заметив вошедшего Люцзина и семенящих за ним писцов, он слегка расслабился, догадавшись, что дело улажено.

— Справился? — небрежно поинтересовался он.

Люцзин забрал у писцов свитки, поднялся по ступеням к трону и разложил их перед владыкой:

— Взгляни. Здесь весь мой план и списки тех, кто вызвался работать.

Яньгу придвинул свиток и принялся неторопливо изучать записи. Спустя некоторое время он произнёс:

— Замысел дельный. Бездомным душам давно пора дать приют, негоже им бесцельно шататься по улицам города. Объединение рынков вдохнёт жизнь в угасающие окраины. Но скажи: когда стройка завершится, чем займутся эти призраки?

На этот счёт у Люцзина тоже было соображение:

— Большую часть товаров на наших рынках составляют подношения из мира живых. Их мало, да и приходят они нерегулярно, разве что со свежим мясом перебоев нет. Так почему бы нам не распахать пустующие земли на окраинах? В преисподней ведь тоже растут травы, можно попробовать разбить огороды. К тому же душ, отказывающихся от перерождения, становится всё больше. Раз уж мы позволяем им остаться, нужно занять их делом. Призраки не столь прихотливы в еде, но если мы освоим пустующие пустоши, то сможем сами обеспечивать себя всем необходимым. Те, кто покрепче, займутся торговлей; женщины — сбором дикоросов и трав; старикам подберём работу полегче. Стоит им пустить корни, как жизнь наладится.

Призраки могли питаться дымом благовоний, впитывать тёмную ци или вкушать обычную пищу, а те, кто возвысился до призрачных небожителей, и вовсе обходились без еды. Однако и мертвецы не были вечными. Рано или поздно их призрачная суть истощалась, и они окончательно исчезали. В этом они походили на живых: рождались, угасали и уходили в небытие, разве что срок им был отмерен куда более долгий.

Яньгу свернул свиток, одобряя задумку:

— Раз у тебя есть чёткий план, действуй. Наше Подземное царство слишком долго пребывало в застое, пришла пора перемен.

Люцзин не знал, что именно крылось за этими словами, но по тону владыки понял: тот и сам давно подумывал о переустройстве Фэнду.

— И вот ещё что, — добавил Яньгу. — Ты собрался слать людей за деревом на Древний путь густых лесов. Там скапливается слишком много тёмной ци, и в зарослях плодятся твари. Без охраны соваться туда опасно. Выдели отряд якшей для защиты рабочих.

— Чуть не упустил из виду, — спохватился Люцзин. — Твоя правда, без охраны нельзя.

Яньгу протянул ему свитки обратно:

— Ступай. План утверждён, приступай к делу.

Люцзин забрал бумаги:

— Тогда я сейчас же составлю указ для народа. А ты вели призрачным посыльным обойти дома и предупредить жителей, чтобы перемены не застали их врасплох. Реформа всё-таки немалая.

Владыка снисходительно улыбнулся:

— А ты, погляжу, обживаешься в судейском кресле. С каждым днём справляешься всё лучше.

Пользуясь хорошим расположением духа повелителя, Люцзин решил прощупать почву:

— Раз уж я так хорош, не пришло ли время прибавить мне жалованья?

Яньгу напустил на себя чрезвычайно важный вид:

— Хм. Пожалуй, над этим действительно стоит подумать на досуге.

Люцзин лишь мысленно развёл руками.

"Подумать? И это всё? А как же щедрое согласие без лишних слов?"

Яньгу проводил его загадочной улыбкой.

За главным залом Палаты Яньло прятался уединённый внутренний двор. Здесь некогда собирались судьи и призрачные посыльные для обсуждения тайных дел преисподней, тут же располагался и просторный кабинет, где хранились свитки и книги. Однако Яньгу не терпел лишней канители и предпочитал разбираться с бумагами прямо в тронном зале. По этой причине в задние покои никто не заглядывал, да и сам Люцзин бывал здесь от силы раза два.

Люцзин вошёл в тихий архивный покой. Воздух здесь был пропитан благородным запахом старой бумаги и сухих чернил. Он неторопливо растёр тушь на камне и принялся за работу.

Первым делом он вывел чётким почерком текст указа. Как только бумага просохла, он передал её призрачным посыльным для обнародования на городских площадях. Затем Люцзин ещё раз мысленно пробежался по деталям предстоящей стройки, проверяя, нет ли изъянов в его замысле. Лишь когда план стал безупречен, он отложил кисть. За окном уже сгустился глухой мрак подземной ночи.

Поразмяв затёкшие плечи, Люцзин вспомнил, что не ел уже несколько дней. Он выбрался из кабинета и через боковую калитку вышел на улицу. На Призрачном рынке вовсю горели свечи, привлекая редких гостей в немногие уцелевшие трактиры. Хозяева заведений наперебой зазывали судью отужинать за счёт заведения, но он вежливо отказывался и держал путь напрямик к Терему Лунного Сияния.

Переступив порог обители, Люцзин к своему удивлению не обнаружил Яньгу. За обеденным столом в гордом одиночестве сидел лишь Хухэ.

Сегодня Хухэ облачился в белоснежное одеяние с вышитыми на подоле лисицами. Волосы его были высоко подобраны и заколоты шпилькой. Лицо юноши не выражало ровным счётом ничего, однако даже в этом ледяном безмолвии крылось нечто, заставлявшее трепетать. Он был невероятно, ослепительно красив, но вечно хмурился так, словно вся преисподняя задолжала ему целое состояние.

Люцзин присел на табурет напротив. За два месяца под одной крышей его чаяния претерпели немалую эволюцию: поначалу он надеялся заслужить хоть каплю дружелюбия, затем мечтал просто переброситься парой слов, теперь же его пределом мечтаний было мирное сосуществование по принципу «ты не трогаешь меня, я не трогаю тебя».

— Хухэ, а где Яньгу? — спросил Люцзин.

Хухэ покосился на вошедшего и принялся накладывать себе рис. Голос его прозвучал сухо:

— Не знаю.

"Надо же, и ему бывает что-то неизвестно", — подивился про себя Люцзин.

Хухэ, разумеется, и не подумал ухаживать за соседом, так что Люцзину пришлось самому тянуться за плошкой. Наполнив её дымящимся рисом, он спросил:

— Он куда-то ушёл?

За всё время, что Люцзин жил в Тереме Лунного Сияния, Яньгу впервые не оказалось дома к ужину.

— И часто ты задаёшь столь глупые вопросы? — холодно бросил Хухэ.

От его ледяного тона Люцзин невольно поморщился. Да уж, лада между ними как не было, так и нет.

Хухэ молча принялся за еду. На любые расспросы он отвечал в лучшем случае через раз, да и то сквозь зубы. Люцзин искренне недоумевал, как можно изо дня в день хранить столь суровое молчание. Уж на что нрав Яньгу бывал капризен и непредсказуем, но даже тот уступал этому нелюдимому лису.

— Ты целыми днями сидишь взаперти, неужто не тошно? — попытался разговорить его Люцзин. — Завтра мы начинаем объединять окраинные рынки. Сходил бы, развеялся, на людей поглядел?

Всё-таки они делили один кров, и Люцзину не хотелось, чтобы парень совсем извёлся от скуки.

Лис проглотил ком риса и безжалостно отрезал:

— Нет.

Люцзин не сдавался:

— Пусть зрелище и не самое грандиозное, но дело-то важное. Неужто не любопытно взглянуть?

Но Хухэ оставался непреклонен:

— Обычная перестройка грязных лавок. На что там смотреть?

— И вовсе не обычная! — горячился Люцзин. — Это исторический момент, если хочешь знать. Город обретёт новое лицо, и свершится это прямо у нас на глазах!

Хухэ посмотрел на него как на умалишённого:

— Моя обитель находится далеко отсюда. Какое мне дело до того, как выглядит ваш Фэнду?

За всеми этими заботами Люцзин совсем позабыл, что перед ним не простой смертный, а лис, достигший божественного ранга.

— Значит... ты скоро уйдёшь отсюда?

— А это тебя касается? — колко огрызнулся Хухэ.

К его вечным шпилькам Люцзин уже давно притерпелся.

— Понимаю, преисподняя — не чета Небесным чертогам. Но раз уж ты прожил здесь столько времени, то наверняка привязался к этим местам. Даже когда вернёшься наверх, не забывай навещать нас, — мягко проговорил Люцзин.

Он произнёс это с едва уловимой грустью расставания.

Хухэ на мгновение замер, явно не ожидая услышать подобные слова.

— Моё пребывание здесь никак не связано с привязанностью к этому месту, — негромко отозвался он. — Я остаюсь в Фэнду лишь ради одного человека...

К концу фразы он перешел на едва различимый шёпот, так что Люцзин не сумел разобрать последние слова.

Из сказанного Люцзин сделал лишь один вывод: на самом деле лису претило находиться в

Подземном царстве.

Хухэ отставил пустую пиалу и поднялся из-за стола:

— Вымой посуду, — бросил он напоследок и скрылся в своих покоях.

Люцзин со вздохом покачал головой и принялся убирать со стола. В спорах с этим лисом победа всегда оставалась за последним.

<http://bllate.org/book/18339/1863645>